

Гелиодор ЭФИОПИКА

Книга I

Текст приводится по изданию:
Античный роман. М., «Художественная литература», 2001.
Перевод с древнегреческого А.В. Болдырева. Комментарии А.Н. Егунова.
OCR [Halgar Fenrirsson](#)

Можно с несомненностью полагать, что роман Гелиодора был весьма любим и читаем в свое время, хотя прямых свидетельств об этом до нас не дошло. Однако это подтверждается наличием его влияния в таких литературных памятниках, как греческие жития святых.

В византийскую эпоху роман Гелиодора ценился настолько высоко, что вокруг его автора складывались различные легенды, например, говорили, что он христианин и что он был епископом города Трикки в Фессалии (откуда родом главный герой «Эфиопики» Теаген). Чрезвычайный успех имел Гелиодор и в эпоху византийского Возрождения (с XI века), когда к его творчеству обращались многие философы и историки.

Благодаря своей популярности роман Гелиодора дошел до нас в большом количестве рукописей — их насчитывается до двадцати двух. Три наиболее древних списка восходят к XI—XII столетиям, более полутора десятков — к XIII—XIV векам, имеются списки XVI—XVII веков, появившиеся уже после первых печатных изданий. В течение XVI столетия вышло пять изданий на греческом и латинском языках, в XVII веке — семь, в XVIII — четыре.

В латинском переводе Гелиодор вошел в культурный обиход Запада. Широкая известность и европейская слава романа началась со времени появления ставшего классическим французского перевода 1549 года, выдержавшего четыре переиздания до 1583 года. Автором его был Амьо, впоследствии знаменитый переводчик Плутарха. В течение XVI века всего было тридцать пять изданий Гелиодора на новых языках.

В России греческий роман становится известным в XVIII веке. Первый русский перевод Гелиодора был выпущен в течение десяти лет в 70-е годы XVIII века под заголовком «Образ невинной любви, или Странные приключения эфиопской царевны Хариклеи и Феагена Фессалинина». Это был перевод с латинского, сделанный Иваном Мошковым. Затем в конце 80-х годов того же столетия появилось вольное переложение «Эфиопики», придававшее роману западноевропейский рыцарский колорит.

Настоящее издание воспроизводит перевод, сделанный с греческого оригинала коллективом авторов и вышедший в издательстве «Художественная литература» в 1965 году.

День едва улыбался, и солнце своими лучами озаряло только вершины гор, когда какие-то люди, вооруженные по-разбойничьи, приостановились немного на перевале через возвышенность у впадения Нила, близ устья, называемого Геракловым¹, и окинули взором простирающееся перед ними море. Сперва они бросили взгляд вдаль, но море не обещало никакой добычи разбойникам; ничего там не было видно. Тогда привлекло их зрелище ближнего побережья, а было там вот что: у берега на причалах стояло грузовое судно, людей лишенное, товарами переполненное, — об этом можно было судить даже издали, так как его тяжесть вытесняла воду до третьего корабельного пояса. А побережье было покрыто телами только что сраженных — одни уже умерли, другие, полумертвые, еще

корчились, и это доказывало, что битва прекратилась недавно. И не только признаки битвы виднелись, но примешивались сюда и жалостные остатки злосчастливого пира, кончившегося битвой: столы, то еще уставленные яствами, то поваленные на землю, — и руки умирающих все еще хватались за них, для некоторых они были вместо оружия в бою, ведь без подготовки завязалась битва, — то укрывавшие забравшихся под них людей, которые надеялись там спастись; опрокинутые чаши, выпавшие из рук тех, кто пил из них, и тех, кто пользовался ими вместо камней. Внезапность бедствия заставила по-новому применить их и научила пользоваться чашами как метательными снарядами. Повержены были — кто секирой пораненный, кто пораженный камнем, поднятым тут же на берегу; тот дубиной сбитый, этот — головней опаленный или иным оружием убитый, но большинство пало от стрел: кто-то стрелял из лука.

Бесчисленные образы уготовало на малом пространстве божество, осквернив вино кровью и восставив войну среди пиров, соединив воедино пиршества и убийства, возлияния и заклания и показав египетским разбойникам такое зрелище.

С горы, где стояли они как зрители, разбойники не могли понять этой сцены; перед ними были погибшие, но нигде не заметно было победивших. Они видели блестящую победу и незахваченную добычу, одинокий корабль, безлюдный, но невредимый, словно охраняемый многими стражами и мирно покачивавшийся на волнах. Хотя разбойники и недоумевали, что значит все происшедшее, однако, помышляя о наживе и считая, что победа досталась им, они ринулись на добычу.

Уже были они не так далеко от корабля и трупов, когда вдруг увидели зрелище, еще более странное. На скале сидела девушка красоты столь необычайной, что ее можно было принять за богиню. Она тяжело страдала от того, что ее окружало, но все еще гордым благородством дышала. Лавр вокруг ее головы обвивался, колчан с плеч спускался, левое плечо она на лук опирала, но рука безвольно повисла. На правое колено облокотилась она другой рукой, пальцами щеки касалась; потупившись, девушка смотрела на какого-то, лежавшего перед нею, юношу, и голова ее была недвижима.

А тот, изнемогая от ран, видимо, понемногу приходил в себя, словно пробуждаясь от глубокого сна — почти что смерти, — но и тут он цвел мужественной красотой, и его щеки, обогранные стекающей кровью, блистали белизной еще больше. От мук смыкались его глаза, но вид девушки привлекал их к себе, и это заставляло глаза смотреть — ведь на нее они глядели.

Собрав все силы и глубоко вздохнув, юноша заговорил слабым голосом:

— Сладостная, действительно ли ты спаслась, или, став жертвой битвы, ты и после смерти не в силах покинуть меня, и призрак твой, душа твоя, следует за моей участью?

— В тебе, — отвечала девушка, — мое спасение и гибель. Ты видишь вот это, — тут она указала на меч у своих колен, — до сих пор он бездействовал — его удерживало твое дыхание.

С этими словами она вскочила с камня, а разбойники, находившиеся на горе, пораженные изумлением и ужасом, словно ударами молний, попрятались кто куда в кустарник, потому что девушка, выпрямившись, показалась им как-то выше ростом и божественной, — так при внезапном движении зазвенели ее стрелы², так сверкала на солнце ее златотканая одежда, так неистово развевались под венком ее волосы, широко рассыпаясь по спине. Все это устрасило разбойников, но еще больше, чем это зрелище, пугала их непонятность

происходящего. И одни говорили, что это некая богиня — Артемида или местная Изида³, другие — что это жрица, приведенная в неистовство каким-нибудь богом, и что ее делом было убийство всех тех, чьи трупы во множестве они видели. Так судили разбойники, но они еще не знали истины.

Девушка внезапно бросилась к юноше и, прильнув к нему, плакала, целовала, отирала кровь, рыдала, сама не верила, что его обнимает. Видя это, египтяне изменили свое мнение и решили другое.

— Могут ли быть такими поступки богини? — говорили они. — Может ли божество с такую страстью целовать мертвое тело?

Подбадривая друг друга, разбойники говорили, что надо быть смелее, подойти поближе и все разузнать наверняка.

И вот, собравшись с духом, они сбегают вниз и застают девушку еще склоненную над ранами юноши; приостановившись позади нее, разбойники не отважились ничего ни сказать, ни предпринять. Когда раздался шум и тень от них пала девушке на глаза, она подняла голову, увидела разбойников и снова поникла, несколько не удивившись необычному цвету их кожи и разбойничьему виду их вооружения. Она вся отдалась уходу за лежащим.

Так сильное страдание и подлинная любовь пренебрегают всем, что привходит извне — и горестным и сладостным, — и заставляет душу видеть и принимать лишь то, что она любит.

Когда разбойники, обойдя кругом, встали прямо перед нею и, по-видимому, готовились предпринять что-то, девушка снова подняла голову и, увидав людей, цветом черных⁴, свирепых видом, промолвила:

— Если вы призраки павших, то нет у вас права тревожить меня; ведь большинство из вас погибло от руки друг друга; а если кто и от моих рук пал, то лишь по закону защиты и возмездия за наглость покушения на мое целомудрие. Если же вы из числа живущих, то, думается мне, разбойничью жизнь вы ведете и кстати пришли сюда: освободите нас от обступивших нас страданий — убийством завершите действие о нас⁵.

Так, словно в трагедии, восклицала девушка, а разбойники, не в силах понять ничего из сказанного, оставили их обоих в прежнем положении, приставив к ним мощную стражу — их же собственное бессилие, а сами бросились к кораблю выгружать товары. Было там много разных вещей, но они все оставили без внимания, лишь, сколько сил хватило, набрали золота, серебра, многоцветных камней и шелковых одежд⁶. Когда разбойники решили, что забрали довольно, — а нашлось всего столько, что можно было насытить даже и разбойничью жадность, — они сложили добычу на берегу и принялись делить ее на удобные для переноски части, при разделе пренебрегая ценностью каждой захваченной вещи и лишь об одинаковой тяжести заботясь. А с девушкой и юношей они собирались что-нибудь сделать потом.

Тем временем появляется вторая толпа разбойников, с двумя всадниками во главе отряда. Увидав их, первые и не пытались сопротивляться, не забрали с собой ничего из добычи, но со всех ног бросились бежать, чтобы только не подвергнуться преследованию: их было человек десять, а наступавших заметили втрое больше.

Девушка, хотя еще никем не схваченная, уже во второй раз попадала в плен, а разбойники, хоть и очень спешили приступить к разграблению, остановились, не понимая, что они видят перед собою, и пораженные изумлением. Они думали, что все эти многочисленные убийства совершены первыми разбойниками. Видя девушку в чужеземном и приметном одеянии, пренебрегавшую грозящими ей ужасами, словно их вовсе и не было, и лишь ранами юноши всецело озабоченную, его страданиями, как своими собственными, измученную, эти разбойники тоже были изумлены ее красотой и мужеством, а юноше, даже израненному, дивились: такой красивый и такой рослый лежал он там, понемногу приходя в себя и принимая свой обычный облик.

Наконец предводитель разбойников приблизился, наложил свою руку на девушку, велел ей встать и следовать за собой. Она, не понимая его слов, но догадавшись о смысле приказанья, влекла за собой юношу, который, впрочем, и сам не отпускал ее. Девушка, приставив меч к груди, грозила заколоть себя, если не уведут их обоих вместе. И вот предводитель, поняв кое-что из ее слов, но больше из движений, а кроме того, ожидая, что юноша, если его спасти, будет им соучастником в самых важных делах, велел слезть с коня своему щитоносцу, слез сам и посадил пленников на коней. Разбойникам он приказал собрать добычу и следовать за пленниками, а сам, пеший, бежал с ними рядом и следил, чтобы они не упали.

То, что совершалось, походило на прославление; казалось, властитель исполняет рабскую службу и победитель предпочитает прислуживать побежденным.

Так благородная внешность и красота умеют подчинить даже разбойничий нрав и победить самых грубых людей.

Пройдя около двух стадиев⁷ вдоль берега, разбойники свернули с пути и пошли все в гору, оставив море справа; с трудом перевалив через хребет, они направились прямо к озеру, расположенному по другую сторону гор, и вот что это было за озеро: Воловьим пастбищем называется у египтян вся эта местность. Это земляная впадина, она принимает выходящие из берегов воды Нила и образует озеро — в середине глубина бездонная, а по краям переходит оно в болото. Ведь что для морей побережье, то болота бывают для озер. Среди них расположен весь стан египетских разбойников; одни устраивают себе шалаши на тех клочках земли, что возвышаются над водою, другие проводят жизнь на судах, которые им служат и кораблем и жильем. На судах им женщины шерсть прядут, на судах и рожают. Если родится ребенок, сперва питают его материнским молоком, а затем озерной рыбой, высушенной на солнце. Когда же замечают, что ребенок хочет ползать, привязывают его за лодыжки ремнем такой длины, что он позволяет ему добраться только до края судна или хижины, и таким образом оковы на ногах становятся небывалым руководителем ребенка.

В этом племени волопасов человек рождается на озере, и вскормлен им, и считает своей родиной озеро, которое может к тому же служить для разбойников мощным оплотом. Поэтому и стекается туда такой люд, и все они пользуются водой вместо крепостной стены, за густым болотным тростником укрываются, как за валом. Разбойники проложили извилистые тропинки, запутанные, со многими поворотами, но очень легкие и удобные для них самих, так как они их знают. Для всех же остальных людей разбойники сделали их непроходимыми, устроив себе надежнейшее убежище, чтобы не страдать от набегов. Вот какого рода это озеро и живущие на нем волопасы.

Уже солнце склонялось к закату, когда прибыли к озеру предводитель разбойников и его спутники. Они ссадили юношу и девушку с коней и стали складывать добычу на суда.

Появилась огромная толпа оставшихся дома разбойников: вылезали один за другим из разных мест болота, сбегались отовсюду и, встречаясь с предводителем, принимали его, словно своего царя. Видя великое множество добычи и замечая божественную красоту девушки, разбойники думали, что святилища или богатые золотом храмы ограблены их товарищами по ремеслу и что похищена, кроме того, сама жрица; или предполагали по своей дикости при виде девушки, что унесен и сам одушевленный кумир богини. Всячески прославляя заслуги предводителя, разбойники проводили его к его обители.

Это был островок, вдали от остальных, отведенный для жилья ему одному с немногими его близкими. Прибыв туда, предводитель приказал толпе отправиться по домам и велел всем прийти к нему на следующий день, а сам остался с немногими обычными своими приближенными, быстро накормил их ужином и сам принял в нем участие. Затем он передал юношу и девушку молодому эллину, незадолго до того попавшему в плен к разбойникам, чтобы тот служил им переводчиком. Предводитель отвел им хижину поблизости от своей, приказал всячески заботиться о юноше, а девушку оберегать от оскорблений. Сам же, отягощенный усталостью после дороги и охваченный заботой о предстоящих делах, погрузился в сон.

Молчанием было объято болото, и ночь достигла часа первой стражи⁸, когда девушка воспользовалась отсутствием тяготивших ее людей, чтобы предаться скорбным рыданиям. Еще с большей силой возбудила, думается мне, ее страдания ночь, не отвлекавшая ни слуха, ни зрения и позволившая всецело отдаться скорби. Долго рыдала девушка, предоставленная сама себе (она лежала поодаль — так было приказано — на какой-то подстилке).

— Аполлон! — говорила она, проливая обильные слезы, — как чрезмерно горько наказываешь ты нас за наши проступки. Чтобы покарать нас, разве не достаточно тебе того, что уже совершилось? Утрата близких, пленение пиратами, бесчисленные опасности на морях, а на суше уже второй раз нас захватывают разбойники, и ожидаемые бедствия еще горше испытанных. Какой предел положишь ты всему этому? Если суждена мне непостыдная смерть, то такой конец сладок; если же кто захочет постыдно познать меня, которую еще не познал и Теаген, то я скорее выберу петлю, чем оскорбление. Теперь я сохраняю себя чистой, — так пусть сохраняю я чистоту до самой смерти, унося с собой прекрасный саван — свое целомудрие. Никакой судья не будет более жесток, чем ты.

Она еще говорила, когда Теаген удержал ее.

— Перестань, — сказал он, — любимая, душа моя, Хариклея. Понятно, что ты рыдаешь, — но ты гневишь божество больше, чем думаешь. Не поносить, а призывать надо его. Мольбами, не упреками смягчаются те, что выше нас.

— Ты прав, — сказала она, — но как ты себя чувствуешь?

— Легче, — отвечал он, — и лучше с вечера, благодаря заботам этого мальчика: он облегчил воспаление моих ран.

— А еще легче тебе станет наутро, — сказал тот, кому была поручена их охрана. — Я тебе достану такую траву, которая в три дня заставит срастись все раны: на собственном опыте узнал я ее силу. С тех пор как эти люди привели меня сюда пленником, всякий раз, когда кто-нибудь из подчиненных этому вождю приходит после схватки раненый, немного дней требуется для его исцеления, если только он пользуется этой травой. А что я забочусь о

вас, не стоит удивляться: мне кажется, вас постигла та же участь, что и меня. К тому же мне жаль вас, эллинов, так как я и сам родом эллин.

— Эллин! О боги! — закричали от радости оба чужеземца.

— В самом деле эллин и по рождению и по языку: «Настанет, может быть, от бед отдохновенье...»⁹

— Но как зовут тебя? — спросил Теаген.

— Кнемон, — отвечал тот.

— А откуда ты родом?

— Афинянин.

— Какая же судьба постигла тебя?

— погоди, — возразил Кнемон. — «Зачем ворваться хочешь ты неистово»¹⁰, как говорят трагические поэты. Некстати было бы мне вносить в ваши бедствия, как эпизод¹¹, еще и мои собственные. Кроме того, пожалуй, не хватит остатка ночи для моего рассказа, а вам нужен сон и отдых после стольких мук.

Так как, однако, они не отставали и всячески умоляли его рассказывать, считая, что наивысшее утешение — это слушать повествование о подобных же случаях, Кнемон начал вот с чего:

— Отцом мне был Аристипп, по рождению афинянин, состоял он в верховном совете¹², а по богатству своему был среднего достатка. Когда случилось, что умерла моя мать, отец решился на второй брак, считая, что единственный сын, то есть я, слишком шаткая опора, и ввел в свой дом женщину изысканную, но прескверную, по имени Демэнета. Не успела она войти к нам, как сейчас же всецело подчинила себе отца, заставляя делать все, что ей было угодно, обольщая старика своей красотой и во всем с преувеличенным рвением ухаживая за ним. Она умела лучше всякой другой женщины возбудить неистовое влечение к себе и необычайно владела искусством обольщения. Когда мой отец отлучался, она стонала, а когда возвращался, бежала к нему навстречу, упрекала, если он запаздывал, словно она погибла бы, задержись он еще немножко, обнимала его при каждом слове, проливая слезы при поцелуях.

Оплетенный всеми этими уловками, мой отец ею одной дышал и лишь на нее глядел.

Она сперва притворялась, будто смотрит на меня как на сына, и этим покорила Аристиппа. Не раз она подходила ко мне, целовала и постоянно выражала свое удовольствие от моего присутствия. Я допускал это, не подозревая, в чем тут дело, но все-таки удивлялся такому материнскому ко мне расположению. Когда же стала она приближаться с большей решительностью, когда жарче, чем подобало, стали ее поцелуи, а взоры покинула скромность, тогда все это вызвало во мне подозрения, я начал избегать ее и отталкивал, когда она подходила. А остальное... но к чему мне надоедать вам подробностями? Рассказывать ли о тех соблазнах, к которым она прибегала, об обещаниях, которые она давала, то называя меня деточкой, то сладчайшим, а то так своим наследником и сразу затем душенькой, — словом, мешала прекрасные имена с обольстительными и наблюдала, на что я больше поддаюсь.

Таким образом, при посторонних прикидывалась она родной матерью, а при укромных встречах явно показывала, что влюблена.

Наконец произошло вот что: во время празднования Великих Панафиней¹³, когда афиняне посылают по суше корабль Афине (я был тогда эфебом)¹⁴, я, пропев обычный пеан¹⁵ в честь богини и приняв положенное участие в шествии¹⁶, как был одет, в том же плаще и с теми же венками, отправляюсь к себе домой. Демэнета была уже вне себя, чуть увидела меня, и, не прикрывая своей влюбленности никакими уловками, гонимая явной страстью, подбежала и обняла меня.

— О мой юный Ипполит, о сын Тесея!¹⁷ — восклицала она.

Представляете ли вы, в каком я тогда был состоянии, раз я и сейчас краснею, рассказывая об этом?

С наступлением вечера мой отец отправился обедать в пританей¹⁸, где по случаю торжественного праздника и всенародного пиршества собирался провести всю ночь. Демэнета явилась ко мне ночью и пыталась добиться кое-чего запретного. Я всячески противился ей, отбивался от всех ее ласк, обещаний и угроз. Она тяжело и глубоко застонала и удалилась, но одну только эту ночь пропустила, проклятая, а потом начала против меня козни.

Прежде всего она тогда не встала со своего ложа, а когда пришел отец и спросил, что это значит, она притворилась нездоровой и сперва ничего не отвечала, когда же он стал настаивать и несколько раз спросил, что с ней такое:

— Этот юноша¹⁹, — промолвила она, — наше общее чадо, к которому я была ласковее даже, чем ты (боги тому свидетели), по некоторым признакам заметил мою беременность. Я это до сих пор от тебя скрывала, пока не узнаю наверное. Он выждал твоего отсутствия и, когда я, по обыкновению, увещевала его, призывала быть скромным и поменьше думать о гетерах и попойках (ведь не укрылось от меня, что так он проводит время; тебе я не открывала этого, чтобы не подозревали, будто я ему действительно настоящая мачеха), — так вот, когда я говорила ему об этом с ним наедине, чтобы не заставлять его краснеть, — но мне стыдно рассказывать обо всех его дерзостях на твой и на мой счет, — он пяткой ударил меня в живот, вот почему ты видишь меня в таком состоянии.

Отец, услышав это, ничего не сказал, ни о чем не спросил, не пытался защищать меня, уверенный, что не станет лгать на меня женщина, которая так ко мне относится. Сейчас же, немедленно, встретившись в одной из частей дома со мной, еще ни о чем не подозревавшим, он стал бить меня кулаками и, призвав слуг, велел истязать бичами, а я не понимал даже того, что знают обычно, — за что же меня бьют?

Когда отец утолил свою ярость, я спросил:

— Отец, если не раньше, так хоть теперь я вправе узнать причину этих побоев.

— Что за притворство! — воскликнул тот, расвирепев еще больше. — Он хочет узнать от меня про свои нечестивые дела!

И, повернувшись спиной, отец поспешил к Демэнете. А та — ведь она еще не насытилась — начала плести против меня свой второй коварный замысел вот как.

Была у нее молоденькая служанка, Тисба, умевшая играть на кифаре и недурная собой. Ее-то Демэнета и напустила на меня, велев ей притвориться, будто она в меня влюблена; и, представившись внезапно влюбившейся, Тисба, столько раз отталкивавшая меня, когда я пытался ее прельстить, теперь всячески стремилась привлечь меня взглядами, кивками, знаками. А я, простачок, поверил, будто сразу сделался красавцем. Кончилось тем, что я принял ее в своей спальне ночью. Тисба пришла и во второй раз, и опять, а потом приходила постоянно.

Как-то раз я настойчиво предостерегал Тисбу, как бы не проведала обо всем госпожа.

— Кнемон, — возразила Тисба, — мне сдается, ты уж слишком недалек. Вот ты считаешь, что плохо будет, если меня, служанку, купленную за деньги рабыню, изобличат в связи с тобою. Ну а какой же кары, по-твоему, достойна женщина, которая, называя себя благородной, имея законного сожителя, зная, что смерть положена за беззаконие, все же распутничает?

— Перестань, — возразил я, — мне не верится.

А Тисба на это:

— Если хочешь, я предам тебе распутника на месте преступления.

— Если тебе так хочется, — сказал я.

— Уж как не хотеть, — отвечала Тисба, — раз это ради тебя, так тяжело оскорбленного ею. Да не меньше и ради себя самой: я ведь тоже каждый день до крайности страдаю, когда она ни за что вымещает на мне свою ревность. Ну-ка подумай и будь мужчиной.

Я обещал держать себя таким образом, и только тогда она удалилась. На третью ночь после этого, когда я спал, она подняла меня и сообщила, что распутник уже у нас в доме. Тисба объяснила, что отец по какому-то неотложному делу отправился в свое поместье, а любовник, как у него было условлено с Демэнетой, только что проник в дом. Надо подготовиться — и к отмщению, ворваться с мечом в руке, чтобы не ускользнул обидчик. Так я и сделал, взял кинжал и следом за Тисбой, зажегшей факел, направился к спальне.

Я остановился перед дверью, луч от светильника проникал изнутри. Со всей яростью взломал я запертые двери, распахнул их и, ворвавшись в покой, закричал:

— Где же этот злодей, блестящий любовник самой целомудренной женщины? — И с этими словами я ринулся, чтобы пронзить их обоих.

Но с постели — о боги! — соскакивает мой отец, падает к моим ногам и молит:

— Дитя мое, остановись на мгновенье, сжался над породившим тебя, пощади мои седины, тебя взрастившие. Я оскорбил тебя, но не надо карать меня смертью. Не давай гневу всецело завладеть тобой, не оскверняй своих рук отцеубийством.

Этими и многими другими словами жалостно умолял меня отец, а я, как пораженный вихрем, зачехнувшийся, остолбеневший, стоял и озирался, ища Тисбу, исчезнувшую, не знаю каким образом, оглядывал постель и спальню, не зная, что сказать, недоумевая, как поступить. Кинжал выпал у меня из рук; Демэнета подбежала и быстро подхватила его, а

отец, оказавшись в безопасности, схватил меня руками и приказал вязать, причем Демэнета все время подстрекала его.

— Не предсказывала ли я, — кричала она, — что надо опасаться этого юнца, он непременно что-нибудь затеет, когда улучит время! Я видела взгляд его и поняла его мысли.

— Ты предсказывала, а я не верил, — отвечал отец, велел пока что держать меня связанным и не давал мне рассказать откровенно всю правду, когда я хотел это сделать.

Чуть только рассвело, отец взял меня с собою в том виде, как я был, то есть в оковах, и повел к народу.

— С такими ли надеждами, афиняне, воспитывал я этого юношу? — сказал он, осыпав себе голову прахом. — Нет, едва он появился на свет, я ожидал, что он будет опорой моей старости. Я воспитывал его как свободнорожденного, дал ему начальное образование, ввел к членам фратрии²⁰ и родичам, записал в число эфебов, объявил его по закону вашим согражданином — на нем одном зиждется вся моя жизнь. Но он предал забвению все: сперва оскорбил меня и нанес удары вот этой женщине, моей законной супруге, наконец явился ночью с мечом в руках и только потому не стал отцеубийцей, что ему воспрепятствовала судьба, неожиданным страхом заставившая его выронить меч из рук. Я прибегаю к вашей защите и доношу на него. Своими руками убить его я по закону имею право, но не хочу, считая, что лучше судом, а не убийством покарать родного сына²¹.

Говоря это, отец прослезился. Заголосила и Демэнета и, разумеется, делала вид, будто скорбит обо мне, называя меня несчастным, которому суждено умереть, хоть и по справедливому приговору, но до времени, потому что мстительные божества натравили меня на родителей. Она не столько оплакивала, сколько свидетельствовала против меня своим плачем и подтверждала правдивость обвинения своим воплем. Я потребовал, чтобы и мне было предоставлено слово. Писец подошел и задал мне краткий вопрос.

— Напал ли ты на отца с мечом в руке?

— Напал, — отвечал я на это, — но выслушайте, как было дело...

Но тут все подняли крик, не сочли нужным позволить мне даже и защищать себя и стали предлагать побить меня камнями или передать меня палачу и столкнуть в пропасть²². Я же, пока продолжалось все это смятение и пока они голосовали, надо ли меня казнить, кричал:

— Мачеха! Из-за мачехи я погибаю, мачеха губит меня без суда.

Многие обратили внимание на мои слова, и закралось в них подозрение насчет подлинного положения дел. Но и тут меня не выслушали, так как непрерывным волнением охвачен был весь народ.

Голоса разделились, и присуждавших меня к смерти оказалось около тысячи семисот человек, из которых одна часть постановляла побить меня камнями, а другая — сбросить в пропасть. Остальные же, числом всего около тысячи, возымевшие некоторое подозрение против моей мачехи, карали меня вечным изгнанием. Возобладало мнение этих последних. Дело в том, что они были, правда, малочисленнее тех других, вместе взятых, но так как те голосовали раздельно, то по сравнению с каждой частью эта тысяча человек

оказалась в большинстве. Таким образом, я был изгнан из отеческого дома и из родимой страны, но не осталась без возмездия и ненавистная богам Демэнета.

Как случилось это, вы услышите в другой раз, теперь же надо подумать и о сне. Уже миновала большая часть ночи, а вам очень нужно отдохнуть.

— Но ты еще больше измучишь нас, — возразил Теаген, — если злодейка Демэнета останется безнаказанной в твоём рассказе.

— Ну, так слушайте, — сказал Кнемон, — раз вам это так нравится.

Я тотчас же после суда отправился в Пирей и, застав выходящий в море корабль, совершил плавание на Эгину, узнав, что там находятся мои двоюродные братья со стороны матери. Прибыв туда и найдя тех, кого я искал, я первое время жил недурно. На двадцатый день, совершая обычную прогулку, я спустился к гавани. Там как раз причаливала лодка. Я приостановился немного и стал смотреть, откуда она и кого везет. Еще не были как следует положены сходни, а уже какой-то человек выскочил и, подбежав, обнял меня. Это был Харий, один из тех, что были эфебами вместе со мной.

— Радостные вести приношу я тебе, Кнемон, — говорит он, — твоя ненавистница понесла справедливую кару, — Демэнета умерла.

— Но дай же сперва поздороваться с тобой, Харий, — отвечал я, — отчего ты так торопишься с добрыми вестями, словно это что-то дурное? Скажи, как именно она погибла, а то я очень боюсь, что ее постигла смерть такая же, как всех людей, и что она избежала заслуженной участи.

— Не совсем покинуло нас правосудие, согласно Гесиоду²³, — сказал Харий, — если даже оно иной раз что-либо пропустит и на некоторое время откладывает возмездие, все же на преступников глядит оно суровым оком: так постигло правосудие и злодейку Демэнету. Ничто из того, что произошло или было сказано, не укрылось от меня, ибо Тисба, как ты знаешь, благодаря своей близости со мной, все мне рассказала. Когда обрушилось на тебя несправедливое изгнание, твой отец, раскаиваясь во всем происшедшем, поселился в дальнем поместье и проживал там — сердце терзая себе, как говорит поэт²⁴. А Демэнету сейчас же начали преследовать эринии, и еще безумнее стала она любить тебя, отсутствующего, и не прекращала плача якобы по тебе, на самом же деле по себе самой.

— Кнемон! — кричала она и ночью и днем, называя тебя сладчайшим мальчиком, душёнкой, так что знакомые женщины, заходившие к ней, очень удивлялись и хвалили ее за то, что она, хотя и мачеха, обнаруживает такое материнское страдание, и пытались утешить и ободрить ее. А она повторяла, что горе ее неутешно и что не ведают другие, какое жало колет ей сердце.

Когда они бывали одни, Демэнета очень ругала Тисбу за то, что та услужила ей не так, как следовало.

— Она усердна в жестокостях, — говорила Демэнета, — в любви она мне не помогла, а вот лишить меня возлюбленного сумела быстрее, чем можно слово вымолвить, и даже передумать мне она не позволила.

Стало вполне ясно, что она причинит какое-нибудь зло Тисбе. Та, видя тяжелый гнев и великую скорбь Демэнеты, готовой на всякое коварство и обезумевшей от ярости и

любви, решила предупредить ее хитростью, направленною против госпожи, лишь бы спастись самой.

— Что это, госпожа, — сказала Тисба, придя к Демэнете, — за что напрасно винишь ты свою прислужницу? Ведь я всегда — и прежде и теперь — исполняла твою волю, служила тебе. Если и произошло что-нибудь не по твоему желанию, так это надо приписывать судьбе, а я готова, если прикажешь, придумать какое-либо средство, чтобы избавиться от этой беды.

— Но кто же может найти такое средство, милейшая, — возразила Демэнета, — раз так далек от нас тот, кто мог меня спасти, и раз погубило меня нечаянное человеколюбие судей?

Если бы Кнемон был побит камнями, если бы он был убит, конечно, мои страдания умерли бы вместе с ним. То, на что раз навсегда потеряна надежда, изымается из души; раз нечего больше ждать ниоткуда, страдальцы терпеливее переносят свои муки. А теперь чудится мне, что я его вижу, сдается мне, что он здесь и я его слышу, он упрекает меня за мой несправедливый умысел, и стыдно мне становится. Иной раз мне кажется, что я встречу с ним, он придет и даст мне насладиться, или что я сама пойду к нему, где бы на свете он ни оказался. Вот что меня жжет, вот что с ума сведет! По заслугам, о боги, я терплю. Зачем я не ухаживала, а злоумышляла? Зачем не умоляла, а преследовала? Он отказал на первый раз? Но так оно и должно было быть. Он уважал чужое ложе, ложе отца своего. Быть может, он дал бы переубедить себя и стал бы уступчивей со временем, переменялся бы. Но я, дикий зверь, словно не любви, а власти добивалась, сочла за преступление, когда он не повиновался моему приказу и пренебрег Демэнетой, он, так сильно превосходящий ее красотой! Но скажи, сладостная Тисба, о каком это средстве ты упоминала?

— Об очень простом, госпожа, — отвечала та. — По мнению большинства, Кнемон удалился из города и из Аттики, повинувшись решению суда, но от меня, на все ради тебя готовый, не укрылось, что он прячется где-то здесь, недалеко от города. Ты, конечно, слыхала про флейтистку Арсиною? С нею он жил. После случившегося несчастья девушка приняла его, обещала отправиться вместе с ним и теперь держит у себя спрятанным до тех пор, пока не будет готова к отъезду.

— Счастливица эта Арсиноя, — сказала Демэнета, — она и раньше была близка с Кнемоном, и теперь ей предстоит совместный с ним отъезд. Но какое это имеет отношение ко мне?

— Большое, госпожа, — возразила Тисба. — Я притворюсь влюбленной в Кнемона и попрошу Арсиною, мою старинную подругу по ремеслу, ввести меня ночью к нему вместо себя. Если это удастся, то потом уже твое дело сойти за Арсиною и проникнуть к нему, будто это она. Я уж позабочусь устроить так, чтобы уложить его слегка навеселе. Если ты добьешься, чего хочешь, то очень вероятно, что любовь твоя прекратится. У многих женщин влечение затухает после первого же опыта, пресыщение любовью — конец таких дел. А если любовь останется, — чего да не будет, — то настанет, как говорится, второе плавание и иной совет²⁵. Пока же позаботимся о том, что у нас есть сейчас.

Демэнета одобрила ее мысль и молила ускорить осуществление задуманного. Тисба выпросила себе у госпожи один день для исполнения всего этого и, придя к Арсиноне, сказала:

— Знаешь ты Теледема?

Когда та ответила утвердительно, она продолжала:

— Дай нам пристанище на эту ночь; я обещала переспать с ним; он придет первым, а я потом, когда уложу свою госпожу.

Затем она поспешила к Аристиппу, в его поместье, и сказала:

— Господин, я прихожу к тебе обвинительницей против себя самой, делай со мной что хочешь. Сына своего ты потерял отчасти из-за меня. Не желая того, я все же стала одной из виновниц. Заметив, что госпожа живет не так, как должно, что она позорит твою постель, я побоялась сама, как бы мне не навлечь на себя беды, если дело будет раскрыто кем-либо другим. Болея за тебя, что ты, окруживший свою супругу такими заботами, в благодарность терпишь такой позор, я не посмела сама известить тебя и сообщила молодому хозяину, придя к нему ночью, чтобы никто не знал об этом. Я сказала ему, что распутник спит вместе с госпожой. А он — ведь ты знаешь, он уже раньше пострадал от нее, — подумал, будто я говорю, что распутник сейчас находится в доме. Исполнившись неудержимого гнева, он схватил кинжал, несмотря на мои многократные попытки удержать его, несмотря на уверения, что ничего такого сейчас нет. Он обратил мало внимания на эти слова или решил, что я говорю уже другое, и в бешенстве ринулся в спальню; остальное ты знаешь. Теперь ты можешь, если захочешь, оправдаться перед сыном, хоть он и в изгнании, и отомстить той, что оскорбила вас обоих. Я покажу тебе сегодня Демэнету, вместе с ее любовником, но не в твоём доме, а в чужом, за городом, — там они устроятся.

— Если ты все это так и покажешь, — сказал Аристипп, — то тебе наградой будет свобода, а я, может быть, тогда только и оживу, когда отомщу ненавистной. Уже давно я терзаюсь и питаю подозрение насчет этого дела, однако за недостатком улики не решался действовать. Но что же надо делать?

— Ты знаешь сад, — отвечала Тисба, — где памятник эпикурейцев?²⁶ Приходи туда под вечер и дождайся меня.

Промолвив это, она тотчас же убежала и, придя к Демэнете, сказала:

— Укрась себя, тебе надо прийти понаряднее: все, что было тебе обещано, готово.

Демэнета обняла ее и сделала, как та велела. С наступлением вечера Тисба взяла ее с собой и повела к условленному месту. Когда они подошли близко, Тисба велела своей госпоже немного подождать, а сама пошла вперед и стала просить Арсиною перейти в другое помещение и не мешать ей.

— Ведь мальчишка краснеет, — говорила она, — он только еще посвящается в таинства Афродиты.

Та послушалась, а Тисба возвращается, берет с собой Демэнету, вводит ее в дом, укладывает, уносит светильник, чтобы ты, Кнемон, не узнал ее, хотя ты в это время находился на Эгине, — и советует ей удовлетворять свою страсть молча.

— Я же, — говорит Тисба, — пойду за юношей и приведу его к тебе. Он выпивает здесь по соседству.

Тисба вышла из дому, застала Аристиппа на заранее указанном месте и стала торопить его напасть врасплох на распутника и связать его. Аристипп последовал за ней. Он внезапно врывается в дом, с трудом находит постель при слабом свете луны и кричит:

— Попалась ты, ненавистная богам.

А Тисба сейчас же, пока он это говорил, как можно сильнее хлопнула дверьми и завопила:

— Какая неудача! Ускользнул от нас распутник. Смотри, господин, как бы тебе вторично не промахнуться.

— Будь спокойна, — ответил тот, — эту негодницу, которую я особенно хотел захватить, я держу крепко. — И, схватив Демэнету, повел ее в город.

А она, конечно, сразу поняла все, что на нее обрушилось: крушение всех надежд, угрожающее ей бесчестие, наказание по законам. Она мучилась тем, что уличена, негодовала на то, что обманута. Когда же очутилась она около колодца²⁷, что в Академии²⁸, — ты знаешь, разумеется, это место, где полемархи²⁹ приносят героям³⁰ установленные от отцов жертвы, — тут она внезапно вырвалась из рук старика и бросилась вниз головой. И лежала она, гнусная, гнусно, Аристипп же сказал:

— Вот тебе возмездие за меня — еще раньше, чем дело дошло до законов.

На следующий день Аристипп сообщил обо всем народу и, с трудом добившись прощения, начал обходить своих друзей и знакомых, стараясь каким-нибудь способом выхлопотать тебе, Кнемон, разрешение вернуться на родину. Добился ли он чего-нибудь, я сказать не могу, потому что еще до того мне пришлось, как ты видишь, по своим делам отправиться сюда. А между тем тебе следует ждать, что народ выразит согласие на твое возвращение и отец твой приедет, чтобы разыскать тебя. Это он обещал.

Вот что сообщил мне Харий. А остальное, как я прибыл сюда и какие превратности судьбы я испытывал, — все это требует более долгого рассказа и времени.

При этих словах Кнемон заплакал; заплакали и Теаген и Хариклея: его судьба была поводом, но каждый плакал, вспоминая о собственных несчастьях. Они не прекратили бы плача, если бы прилетевший сон, вызванный наслаждением от рыданий, не положил конец их слезам. Так они заснули.

А Тиамид — таково было имя предводителя разбойников, — большую часть ночи проведя спокойно, вдруг лишился сна, встревоженный запутанными сновидениями. Затрудняясь истолковать их, он более не спал, погруженный в свои мысли. В час, когда поют петухи, потому ли, что, как уверяют, они природным чутьем воспринимают поворот солнца к нам и пробуждаются приветствовать бога, или от теплоты и стремления скорее начать двигаться поют, будя своим призывом на работу тех, кто живет с ними, — привиделся ему такой, богами ниспосланный, сон.

Казалось ему, будто он в Мемфисе³¹, своем родном городе, входит в храм Изиды, и вот весь храм освещен огнем светильников, все алтари и жертвенники, залитые кровью, покрыты разнообразными жертвенными животными, а преддверия и круговые обходы полны людей, наполняющих все смешанным гулом и шумом. Когда он вступил во внутреннюю часть храма, вышла ему навстречу богиня, вручила Хариклею и сказала:

— Тебе, Тиамид, передаю я эту девушку; имея ее, ты не будешь ее иметь; ты совершишь преступление и чужестранку убьешь; но она не будет убита.

Когда Тиамид увидел такой сон, не знал он, что делать, и на все лады пытался его истолковать. Отчаявшись, он наконец принял за решение свое хотение. Слова «будешь иметь и не будешь иметь» он отнес к женщине, которая уже не будет девушкой. Слово «убьешь» он истолковал как раны девственности, от которых не умрет Хариклея. Таким-то образом Тиамид объяснил сон, как подсказывала ему страсть.

На заре он велел первым из своих подчиненных прийти и приказал им вынести на середину добычу, называя ее более торжественным словом: трофеи. И Кнемона он вызвал к себе, поручив привести охраняемых им пленников.

— Что за судьба ожидает нас? — восклицали те, когда их вели, и умоляли Кнемона оказать им, если можно, помощь.

Он обещал и увещевал их не терять мужества, ручаясь, что не так уж груб нравом предводитель, что есть в нем и какая-то кротость, так как сам он знатного рода и лишь по необходимости избрал такую жизнь.

Когда их привели и собрался весь остальной народ, Тиамид сел на какой-то кочке, объявил остров местом народного собрания и приказал Кнемону передавать пленникам все, что будет сказано, — тот понимал уже язык египтян, а Тиамид плохо смыслил по-эллински.

— Соратники, — говорил он, — вы знаете мой образ мыслей и как я всегда относился к вам. Я, это вам известно, по рождению сын мемфисского пророка. Не получив священства после кончины моего отца, так как оно было насильственно захвачено моим младшим братом, я бежал к вам, чтобы за обиду мстить, а себе честь и славу возратить. Признанный вами достойным правителем, я до сего времени прожил здесь, не присваивая себе ничего сверх того, что получали все. Когда мы делили добычу, я довольствовался одинаковой с вами долей, когда продавали пленников, я отдавал деньги в общую казну, считая, что желающему быть хорошим вождем надо брать себе трудов как можно больше, а доходов — равную долю. Из захваченных пленников я включал в наше число всех мужчин, которые могли быть нам полезны телесною силой, а тех, что послабее, — продавал. Насилия над женщинами мне были чужды: я — иногда за деньги, иногда из одного сострадания к их участи — отпускал на волю женщин благородного происхождения, а женщин низкого звания, которых рабствовать заставляло не взятие в плен, но скорее обычное течение их жизни, я отдавал каждому из вас в служанки. Но теперь я одного только из всей добычи требую от вас, вот эту девушку-чужестранку. Я мог бы самовольно ее взять, но думаю, лучше будет получить ее по общему вашему решению. Нелепо было бы захватить силой пленницу — показалось бы, что я поступаю против воли моих друзей. Этого одолжения я прошу у вас не даром: взамен я отказываюсь от всякого участия в разделе остальной добычи. Презирает площадную Афродиту³² род жреческий, не из потребности в наслаждениях, а ради потомства будет у меня эта пленница — так я решил. Я хочу вам перечислить причины моего выбора. Прежде всего, она благородного происхождения, думается мне. Сужу я об этом по найденным у нее драгоценностям и по тому, что она не поддалась постигшим ее бедам, но сохраняет то же духовное благородство, что и в прежней своей доле. Затем я чувствую в ней душу добрую и целомудренную. Если благообразием она побеждает всех женщин, если стыдливостью взора вызывает уважение у всех, кто ее видит, разве не естественно, что она заставляет хорошо думать о себе? Но вот что важнее всего сказанного: она мне кажется жрицей

какого-то бога, так как сбросить священное одеяние и венец она даже и в несчастье считает чем-то ужасным и недозволенным. Призываю всех присутствующих судить, может ли быть чета более подходящая, чем муж из рода пророков и девушка, посвященная божеству?

Все криками приветствовали его и советовали в добрый час заключить брак. А Тиамид, взяв опять слово, сказал:

— Я благодарен вам, но поступим лучше, если спросим мнение самой девушки, как она к этому относится. Если бы надо было воспользоваться законом власти, вполне достаточно было бы одного моего желания. Кто может действовать силой, тому лишнее спрашивать. Но когда речь идет о браке, необходимо согласие обеих сторон.

Затем он обратился к девушке.

— Как ты относишься, девушка, к тому, чтобы жить со мной? — спросил он и одновременно велел ей открыть, кто они такие и какого рода.

Девушка стояла долгое время, опустил глаза в землю, и несколько раз покачала головой. Она как будто искала слов для своей мысли, затем взглянула на Тиамида, сильнее прежнего поразив его своей красотой: сильнее, чем обычно, от охватившего ее волнения покраснели ее щеки и грознее стал ее взгляд.

— Говорить, — сказала она, причем Кнемон был переводчиком, — скорее пристало бы брату моему Теагену; женщине следует, думаю я, в собрании мужчин молчать, а мужчине отвечать.

Однако, раз вы и мне предоставили слово и тем дали первое доказательство вашего человеколюбия, раз вы пытаетесь соблюсти справедливость и действуете убеждением, а не силой, в особенности же потому, что все сказанное обращено ко мне, я вынуждена нарушить мои — и вообще девические — правила и на вопрос победителя о браке дать ответ, да к тому же в собрании стольких мужчин. С нами дело обстоит так: родом мы ионяне, родились в знатной эфесской семье, и родители наши живы. Закон повелевает таким детям жречествовать; мне выпал жребий служить Артемиде, служить Аполлону — моему брату. Честь эта дается на один год, и так как срок этот был на исходе, мы отправились со священным посольством на Делос³³, где собирались устроить мусические и гимнические состязания³⁴ и сложить с себя жреческое звание по отеческому обычаю. Корабль наполнили золотом, серебром, одеждами и всем остальным в таком количестве, что должно было хватить для состязаний и всенародного угощения. Мы отплыли, а наши отцы, люди уже пожилые, из страха перед морским плаванием остались дома, между тем как другие граждане во множестве взошли вместе с нами на корабль или отправились на собственных судах. Уже совершена была большая часть пути, когда внезапно налетела буря. Бушевал ветер, обрушившиеся на море вихри и смерчи снесли корабль с прямого пути, кормчий не совладал с бедой, бросил управлять кораблем, предоставив это судьбе. Гонимые непрерывным ветром, носились мы семь дней и столько же ночей, пока наконец не пристали к здешнему берегу, где и были захвачены вами. Вы видели там резню: во время пиршества, которое мы устроили по поводу нашего спасения, корабельщики напали, решив уничтожить нас ради сокровищ, и вот в этом великом и бедственном истреблении всех наших близких, где сами нападавшие и губили и гибли, только мы одержали победу и из всех — о, если бы этого не было! — лишь мы, жалкие остатки, уцелели.

Среди наших бедствий нам повезло только в том, что некий бог привел нас в ваши руки, и мне, страшившейся смерти, теперь доводится думать о браке: я ни за что не хочу от него отказаться. Пленнице удостоиться ложа победителя — это выше всякого блаженства. Девушке, посвященной божеству, стать супругой сына пророка — а через малое время, если будет на то божья воля, самого пророка, — это явное проявление божественного промысла. Об одном я прошу, Тиамид, и ты даруй мне это. Позволь мне сначала прийти в город или в иное место, где есть алтарь или храм Аполлона, и там сложить с себя жречество и вот эти его знаки. Лучше всего в Мемфис, когда и ты примешь пророческий сан. Тогда и свадьба будет веселее, если соединить ее с победой и справить, сперва достигнув успеха. Может быть, и раньше — тебе я оставляю решение, только бы мне сначала выполнить отеческие обряды. Я знаю, ты согласишься, ты, по твоим словам, с детских лет приобщенный к святыням и привыкший чтить все, что касается богов.

Тут Хариклея прервала свою речь и стала проливать слезы.

Все присутствующие одобряли ее слова, советовали так и поступить и кричали, что они согласны. Одобрял и Тиамид, отчасти по доброй воле, отчасти и против воли, под влиянием страсти к Хариклее считая и текущий час, если уж придется откладывать, беспредельно долгим временем. Но он был очарован, точно некоей сиреной, ее словами и принужден согласиться. Вместе с тем он относил все это к своему сновидению, веря, что брак совершится в Мемфисе. Затем он распустил собрание, поделив сначала добычу, причем сам получил много отобранных вещей, которые ему добровольно уступили другие.

Тиамид велел быть готовым на десятый день, чтобы произвести нападение на Мемфис. Эллинам он отвел прежнюю хижину. В той же хижине поселился опять и Кнемон, по приказу предводителя впредь назначенный уже быть не стражем, но собеседником. Обращение Тиамида стало еще более нежным, чем до тех пор, и так же он стал относиться и к Теагену из уважения к его сестре. На Хариклею он твердо решил даже не смотреть, чтобы лицемерием не распалить запавшего в его сердце желания и поневоле не сделать что-нибудь вопреки принятому и объявленному решению. Тиамид с этих пор избегал встречи с девушкой, считая невозможным одновременно взирать на нее и собою владеть. А Кнемон, как только все разошлись и укрылись кто куда, в разных местах болота, стал разыскивать траву, которую он накануне обещал Теагену, и отошел на некоторое расстояние от озера.

В это время Теаген, получив наконец досуг, рыдал и стонал, ни слова не говоря с Хариклеей и непрестанно призывая богов в свидетели. Когда она спросила, оплакивает ли он прежние и общие им бедствия, или уж не случилось ли с ним новой беды, Теаген отвечал:

— Что же может случиться еще более новое, более незаконное, если нарушаются клятвы и обеты, если Хариклея забывает меня и соглашается на брак с другим?

— Не кощунствуй, — возразила девушка, — не будь для меня тягостнее, чем наши бедствия. Ты после всего, что было, мог хорошо проверить меня на деле, ты не должен подозревать меня из-за слов, вынужденных обстоятельствами и произнесенных для нашей же пользы, если только не произойдет обратного и не окажется, что скорее изменишься ты, чем найдешь перемену во мне. Я не отрицаю своего несчастья, но нет такой силы, которая могла бы заставить меня забыть о целомудрии. В одном лишь, я знаю, я не была целомудренна, это в охватившей меня с самого начала страсти к тебе, но то была страсть законная. Ведь я не уступила тебе как возлюбленному, но условилась с тобой как с

супругом, впервые тогда вручила себя тебе, но до сих пор соблюла себя в чистоте, оберегала себя от сближения с тобой, не раз отталкивала твои попытки, ожидая, когда осуществится скрепленный клятвами перед всеми, совершенный по закону брак, как об этом мы с тобой договорились с самого начала. Не безумен ли ты, если веришь, будто я предпочту варвара эллину, разбойника — возлюбленному?

— К чему же клонила тогда твоя великолепная речь? — спросил Теаген. — То, что ты выдумала, будто я твой брат, — это чрезвычайно умно, далеко отводит ревность Тиамида от нас и позволяет нам без страха оставаться вместе. Я понял, при чем тут Иония и наши блуждания на пути в Делос: это должно было прикрывать истину и воистину ввести в заблуждение всех слушателей.

Но что ты с такой готовностью согласилась на брак, ясно договорилась и назначила срок, — этого я понять и не умел и не хотел. Я желал, чтобы земля поглотила меня прежде, чем я увижу, как этим завершатся все связанные с тобою страдания и упования.

Хариклея обняла Теагена, без конца целовала его, орошая слезами.

— Как мне сладостно, — говорила она, — слышать об этих твоих страхах за меня. Ты этим ясно показал, что твое влечение ко мне не убывает от множества несчастий. Однако знай, Теаген, что и сейчас мы не могли бы беседовать друг с другом, не будь тогда дано такого обещания. Ты знаешь, когда побеждает страсть, отпор только усиливает ее натиск, между тем как речь, полная уступок и идущая навстречу желанию, ослабляет первый кипящий порыв и остроту вожделения успокаивает сладостью обещания. Кто любит необузданно, те считают обещание, думается мне, первым доказательством и полагают, что, получив его, одержали победу: поэтому они чувствуют себя легче, убаюканные надеждами. Это я и имела в виду, когда на словах отдавалась, поручив остальное богам и тому божеству, которому изначала выпало на долю охранять нашу любовь. Часто за один-два дня судьбы вдруг открывают тьму таких путей к спасению, каких люди не могут найти по долгому размышлению. Потому и я, прибегнув к вымыслам, отдала нависшую опасность и отразила явные угрозы неясными обещаниями. Итак, сладчайший мой, надо хранить эту выдумку, как уловку, и держать дело в тайне не только от всех остальных, но даже от самого Кнемона. Правда, он ласков с нами, он эллин, но он — пленник, и, если придется, он с большей готовностью окажет услугу победителю. Ни длительность дружбы, ни закон родства не дают нам надежного залога его верности. Поэтому, если он, подозревая что-либо, коснется когда-нибудь наших отношений, надо прежде всего отрицать. Хороша порою и ложь, если она, принося пользу произносящим ее, ничем не вредит слушающим.

Такие и тому подобные доводы приводила Хариклея, как вдруг вбегает Кнемон, чрезвычайно озабоченный, всем своим видом обнаруживая большое волнение.

— Теаген, — говорит он, — я тебе принес траву, положи ее на свои язвы и лечи их, но надо нам быть готовыми к новым ранам и новой резне.

Когда же тот попросил объяснить подробнее, что значат эти слова, Кнемон сказал:

— Не время сейчас слушать, можно опасаться, что дела обгонят наши речи. Следуй как можно скорее за мной, и пусть вместе с нами идет Хариклея.

Забрав обоих, он повел их к Тиамиду и застал его в то время, как он чистил свой шлем и точил копье.

— Как удачно, что ты при оружии! — воскликнул Кнемон. — Вооружайся сам и приказывай другим сделать то же. Я видел такое множество врагов, какое никогда еще не грозило нам, и так близко, что они уже перевалили через ближайший холм. Я прибежал сюда сообщить об их наступлении, ни мгновенья не мешкал я по пути сюда и, кому мог, объявлял, чтобы все готовились.

Вскочил при этих словах Тиамид и стал спрашивать, где Хариклея, словно боялся за нее больше, чем за самого себя. Кнемон указал на нее, молча стоявшую тут же у двери.

— Возьми ее и отведи в пещеру, где сложены в безопасности наши сокровища, — сказал Тиамид так, что только один Кнемон мог слышать его. — Помести ее туда, друг, и крышкой, как обычно, закрой вход, а затем поскорей приходи к нам. О войне же позаботимся мы.

Щитonosцу Тиамид велел привести овцу, чтобы принести ее в жертву местным богам и, таким образом, приступить к сражению.

Кнемон исполнил приказание: повел Хариклею, беспрестанно рыдавшую и все время оборачивавшуюся к Теагену, и втокнул ее в пещеру. А было то не произведение природы, вроде тех, что, сами собой возникая, во множестве зияют на земле и под землей, но дело разбойничьего искусства, подражавшего природе, — подземелье, искусно вырытое руками египтян для хранения захваченной добычи.

Сделано это было вот как: был узкий и темный вход, находившийся под дверями тайника, так что порог оказывался при спуске дверью и, смотря по надобности, падал вниз или откидывался. Оттуда дорога разветвлялась на беспорядочно запутанные закоулки. Ходы и щели, ведущие в самые недра, то хитро извивались и шли своим путем, то сталкивались друг с другом, переплетались, как корни, и выходили наконец к одной широкой площадке на самом дне, соединяясь там. Тусклый свет из расселины, приходившейся на самом краю озера, падал туда. В это подземелье и добрался с Хариклеей Кнемон и, уверенно проведя ее благодаря своей опытности, достиг самой отдаленной части пещеры, причем все время ободрял пленницу и обещал вечером прийти вместе с Теагеном — он хотел не допустить его до столкновения с врагами и дать возможность избежать боя. Затем Кнемон покинул ее, бездыханную и молчаливую, не произнесшую ни слова и, словно смертью, пораженную бедой. Лишившись Теагена, она как бы лишилась собственной души.

Кнемон вылез из пещеры, опустил на место порог, прослезился и над собой, против воли выполнявшим такое приказание, и над участью Хариклеи: чуть что не заживо схоронил он блистательнейшую из смертных — Хариклею — и предал ее ночи и тьме. Потом он побежал к Тиамиду и застал его кипевшим страстью сразиться. Тиамид, как и Теаген, облачился в сверкающие доспехи и речью пробуждал неистовый пыл в уже собравшихся около него воинах. Встав посреди них, он говорил:

— Соратники! Не знаю, к чему увещевать вас долгими речами: вы и сами не нуждаетесь в напоминании и всегда считали, что война — ваша жизнь, особенно же теперь: при внезапном нападении противника не до разговоров. Враг наступает, и не отразить его поскорее равным ударом могут только те, кто совершенно забыл о своем долге. Вы знаете, что речь идет не о женах и детях, — у многих людей только это и может возбудить мужество для боя, но для нас это имеет меньше значения. Нашим останется все, что уцелеет после победы, а сейчас дело идет о существовании. О жизни нашей. Никогда война с разбойниками не кончалась договорами, и мир никогда не был ее концом. Для нас

неизбежно или одержать победу и уцелеть, или быть побежденным и умереть. Так сразимся же с нашими злейшими врагами, напрягая все силы души и тела.

Сказав это, он оглянулся на своего щитоносца и несколько раз окликнул его по имени:

— Термутид!

Но того нигде не было. Тиамид гневно пригрозил ему и бегом поспешил к лодкам: битва уже разразилась, и даже издали можно было видеть, как жившие на самом краю озера, на подходах к нему, были захвачены врагами. Наступавшие подожгли суда и хижины погибавших или спасавшихся бегством разбойников. Оттуда огонь перекинулся на ближайшее болото, пожирая росший там густой тростник. Глазам было больно от невыносимого блеска пламени, а слуху — от рокота. И все виды войны можно было видеть и слышать: обитатели болота со всем пылом и всей силой выдерживали натиск, а нападавшие благодаря своей численности и неожиданности нападения обладали огромным преимуществом, истребляли разбойников на суше, топили в озере вместе с их судами и жилищами. От всего этого гул стоял в воздухе, и на суше дрались, и на кораблях сражались, губили и погибали, кровью озеро обгаляли, огонь с водою сочетали.

Когда увидел и услышал все это Тиамид, ему пришел на ум его сон про Изиду и храм, весь полный светильников и жертв, — это и было то, что он теперь созерцал. Обратное прежнему дал он толкование своему видению: имея Хариклею, он не будет ее иметь, потому что война ее отнимет; он ее убьет и не ранит — мечом, а не по закону Афродиты. Он произнес многократную хулу на богиню, называя ее лукавой, ужасался, что другой завладеет Хариклеей. Тиамид велел своим спутникам немного задержаться и указал, что придется вести бой, оставаясь на месте, укрываясь близ островка и лишь тайком через окрестные болота делая вылазки: даже так им едва ли удастся противостоять многочисленному неприятелю. Сам же он, под предлогом розысков Термутиды и молитвы богам очага, удалился, никому не позволив следовать за собой, и, вне себя, повернул ко входу в пещеру.

Трудно склонить нрав варвара, раз уж тот на что-нибудь устремился. Когда такой челочек отчаётся в собственном спасении, он обычно сперва истребляет всех, кто ему дорог, потому ли, что обольщается надеждой пребывать с ними и после смерти, или потому, что пытается освободить их от вражеских рук и оскорблений. Те же чувства и Тиамида заставили позабыть обо всем, и он, словно сетями, окруженный противниками, охваченный любовью, ревностью и гневом, подойдя к пещере, с разбега спрыгнул вниз, громко крича и все время говоря по-египетски. Где-то у самого входа он наткнулся на женщину, обратившуюся к нему по-эллински. Двигаясь на ее голос, он схватился левой рукой за ее голову, а мечом пронзил ей грудь у самого сосца.

И вот она горестно лежала там, испустив жалобный вопль, — последний, уже предсмертный, — а он выбежал наверх, поставил на место порог и насыпал над ним маленький земляной холмик.

— Вот тебе от меня свадебные подарки! — проговорил он со слезами и, вернувшись к кораблям, застал остальных уже помышлявшими о бегстве: поблизости виднелись враги. Он увидел и Термутиды, который пришел с овцой для жертвоприношения. Тиамид обратился к нему с бранью, сказал, что сам он только что принес прекраснейшую из жертв, затем вошел в лодку — кроме него, там были еще только Термутид и гребец, так как больше не могут поднять озерные лодки, грубо выдолбленные из цельного куска

дерева, из толстого ствола. Отчалили одновременно на другом челноке и Теаген вместе с Кнемоном, и другие разбойники — на других лодках. Так поступили все.

Разбойники удалились на малое расстояние от острова, скорее проплыли вокруг, чем отплыли от него, перестали грести и стали выстраивать суда в один ряд, чтобы грудью встретить натиск противника, который еще только приближался. Но даже и плеска весел не вынесли разбойники: при виде врагов многие сразу же бежали, а некоторые не выдержали воинственного шума. Отступили и Теаген с Кнемоном, но не страх был у них главной причиной. Один только Тиамид — оттого ли, что стыдился бегства, а скорее оттого, что не был в силах пережить Хариклею, — бросился прямо на врагов.

Уже завязался рукопашный бой, когда кто-то закричал:

— Вот он, Тиамид! Все на него!

И сейчас же, построив суда кольцом, они заключили его в середину. Тиамид защищался и своим копьем ранил, убивал, но схватка была самая удивительная: никто из воинов не метал копья и не заносил меча, каждый прилагал все усилия, чтобы захватить Тиамида живьем. А тот очень долго сопротивлялся, пока не отняли у него копья, за которое ухватилось сразу несколько человек, и пока не лишился он своего щитоносца, сражавшегося блистательно с ним вместе и получившего, по-видимому, смертельную рану. В безнадежном отчаянии щитоносец кинулся в озеро и, вынырнув благодаря своему уменью плавать вне выстрела, с трудом доплыл до болота; никто и не думал его преследовать. Враги уже захватили Тиамида и пленение одного человека считали полной победой. Потеряв столько друзей, они больше ликовали, захватив убийцу живьем, чем горевали об утрате близких.

Деньги бывают дороже жизни для разбойников, и то, что именуется родством и дружбой, определяется одной лишь наживой. Так случилось и с этими — теми самыми, которые у Гераклова устья бежали от Тиамида и его отряда.

Негодую, что отнято было у них чужое добро, и оплакивая потерю добычи, словно то было их собственное достояние, собрали они всех оставшихся дома, призвали также на помощь окрестные поселки, сговорившись о равном и одинаковом для всех разделе добычи. Они предводительствовали в этом походе, а живьем захватили Тиамида вот по какой причине.

В Мемфисе был у него брат Петосирид. Он, хоть и был младшим, хитростью отнял у Тиамида унаследованный от отцов священный пророческий сан, а затем, узнав, что его старший брат стал вождем разбойников, устранился, как бы тот, выждав срок, не появился однажды или как бы время не раскрыло его коварства. Вместе с тем он чувствовал, что многие подозревают его в убийстве Тиамида, который нигде не появлялся; поэтому Петосирид послал в разбойничьи поселки объявить, что обещает много денег и скота всякому, кто доставит Тиамида живым. Прельщенные этим разбойники даже в кипении боя не оставляли мысли о наживе и, когда кто-то узнал Тиамида, захватили его ценою многих смертей. Они доставили его на сушу связанным и отделили половину отряда для охраны, а он все время бранил их мнимое человеколюбие и негодовал на оковы сильнее, чем негодовал бы на смерть. Остальные разбойники направились к острову, чтобы разыскать там сокровища и желанную добычу. Обегав весь остров, не оставив ни одной части его необысканной, они, вопреки ожиданиям, не нашли ничего или очень мало — только то, что осталось не спрятанным в подземную пещеру. Вечер уже приближался, вселяя в них страх оставаться на острове, и, боясь, как бы не устроили им засаду разбежавшиеся враги, они ушли обратно к своим.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *...близ устья, называемого Геракловым...* — Одно из западных устьев Нила, ближайших к Ливийской пустыне, названное Геракловым по находившемуся поблизости храму Геракла. Это же устье называлось Канобским по расположенному там городу Канобу. [[назад](#)]
2. *...так при внезапном движении зазвенели ее стрелы...* — реминисценция гомеровского стиха («Илиада», 1, 46). [[назад](#)]
3. *...некая богиня — Артемида или Изиды...* — Гелиодор не отождествляет Артемиду с Изидой, но указывает на пестрый племенной состав разбойников, почитавших различные божества. [[назад](#)]
4. *...увидав людей, цветом черных...* — Это не означает, что разбойники были чернокожими. Речь идет о том, что лица разбойников-египтян темные, загорелые, обветренные. Для обозначения чернокожих, каковы, например, эфиопы, Гелиодор прибегает к выражению «совершенно черные». [[назад](#)]
5. *Действо* — театральное представление. Особенность гелиодоровского повествования — частное употребление театральных терминов (ср. далее во многих местах романа). [[назад](#)]
6. *Шелковые одежды.* — Упоминание шелка представляет собой анахронизм для той эпохи, к которой Гелиодор относит действие своего романа. [[назад](#)]
7. *Стадий* — мера длины, около 1/5 км. [[назад](#)]
8. Греки делили ночь на три или четыре стражи, то есть смены ночного караула. [[назад](#)]
9. *«Настанет, может быть, от бед отдохновение...»* — стихотворная цитата из не дошедшей до нас трагедии. [[назад](#)]
10. *«Зачем ворваться хочешь ты неистово»* — цитата из Еврипида («Медея», ст. 1317). [[назад](#)]
11. Эпизод (эписодий) — термин греческой драматургии — диалогическая часть трагедии между двумя выступлениями хора, примерно соответствует позднему понятию акта пьесы. В данном случае не следует понимать слово «эпизод» в его сниженном, обычном по-русски, значении — то есть как нечто незначительное, — напротив, здесь эпизод означает действие. [[назад](#)]
12. *...в верховном совете...* — Имеется в виду ареопаг — верховный суд по уголовным делам, по своему составу орган не демократический. Кнемон здесь подчеркивает свое аристократическое происхождение. [[назад](#)]
13. *Великие Панафинеи.* — В первый месяц аттического года (середина июля — середина августа) раз в четыре года справлялся главнейший афинский праздник в честь Афины, покровительницы города, — Великие Панафинеи. Он продолжался несколько дней и сопровождался различными состязаниями. 28-го числа указанного месяца в торжественной процессии богине подносили пеплос — роскошную одежду для ее статуи, вытканную избранными афинскими женщинами. Пеплос развешивали в виде паруса на модели корабля и провозили по главным улицам города в Акрополь, в святилище богини. В процессии участвовали и юноши в военном одеянии. [[назад](#)]

14. *Эфебы*. — Так называли юношей, достигших восемнадцати лет, то есть совершеннолетия, и отбывавших военную службу до двадцатилетнего возраста. В памятниках искусства эфебы изображаются с коротко остриженными волосами, в противоположность мальчикам и зрелым людям. Таким был и Кнемон. Он был одет по-военному, в коротком плаще. [[назад](#)]

15. *Пеан* — жанр древнегреческой хоровой лирики. Пеаны обычно были обращены к Аполлону, представляя собой хоровое торжественное песнопение. [[назад](#)]

16. *Шествие* в честь Афины — тема знаменитых скульптур на фризе Парфенона. [[назад](#)]

17. *О мой юный Ипполит, о сын Тесея!* — Рукописное предание здесь подверглось порче. Демэнета, как и всякая афинская женщина, не могла не знать сказания о Федре, Ипполите и Тесее, даже если романисту угодно было отнести действие своего романа ко времени до создания Еврипидом его трагедии на этот сюжет (поставлена в 428 г. до н. э.), которую Гелиодор здесь пересказывает на свой лад: Демэнета — Федра, то есть мачеха, влюбившаяся в своего пасынка, Аристипп — Тесей, ее муж, Кнемон — Ипполит. Если Демэнета могла назвать Кнемона Ипполитом, то к нему совершенно не подходит ее восклицание, которое дает рукопись: «Тесей мой», — то есть тот самый ее супруг, которому она готова изменить. В переводе мы переименовали это на несколько более удовлетворительное «сын Тесея». Демэнета не могла не знать трагической развязки сказания о Федре: проклятие Тесея, гибель Ипполита, самоубийство Федры. Таким образом, следует либо считать восклицание Демэнеты неуместным и отнести его за счет порчи текста, либо это тонкий психологический штрих романиста: иступленная женщина сама не знает, что говорит, она вне себя, но, может быть, смутно предчувствует трагический исход своей страсти. [[назад](#)]

18. *Притан*. — означает начальник, старшина, председатель коллегии. Можно сравнить с афинскими архонтами. *Пританей* — здание, где заседали пританы. Там же они получали питание за счет государства. [[назад](#)]

19. *Этот юноша...* — Текст здесь испорчен. [[назад](#)]

20. *Фратрии*. — Родовые филы делились на фратрии (колена), а фратрии на роды. [[назад](#)]

21. *Своими руками убить его я по закону имею право*. — Такого закона в Афинах никогда не было. Описание «процесса» Кнемона не свидетельствует о полном знакомстве Гелиодора с афинским судопроизводством, хотя некоторые детали и верны: так, в книге второй (см. с. 271) соответствует действительности указание, что рабов (Тисба — рабыня) допрашивали не иначе, как под пыткой. [[назад](#)]

22. *...стали предлагать побить меня камнями...* — Побиение камнями не было в Афинах законной формой казни. Упоминание Гелиодора о пропасти, куда сталкивали осужденных на смерть, исторически верно. Это была яма, остаток древней каменоломни. [[назад](#)]

23. *Не совсем покинуло нас Правосудие...* — Гесиод, «Труды и дни», ст. 197 и сл. [[назад](#)]

24. *...сердце терзая себе...* — Гомер, «Илиада», VI, 202. [[назад](#)]

25. *...настанет... второе плавание...* — пословица. Ее смысл: надо приняться еще раз, не отступать после неудачи. [[назад](#)]

26. *Памятник эпикурейцев* — сохранившийся сад или дом самого Эпикура. Эпикур завещал ученикам свой дом с прилегающим садом, на окраине Афин, по дороге в платоновскую Академию. [[назад](#)]
27. *Колодец*, куда бросилась Демэнета, имел культовое назначение и служил для жертвоприношений подземным богам и теням усопших. [[назад](#)]
28. *Академия* — платановая роща к северо-востоку от Афин, некогда принадлежавшая мифическому герою Академу и называвшаяся по его имени. В этом саду читал лекции Платон. [[назад](#)]
29. *Полемарх* — начальник войска в Афинах. [[назад](#)]
30. *Герои*. — Здесь имеются в виду афинские герои Гармодий и Аристокитон, освободившие Афины от тирании Гиппарха. Они были погребены у дороги, ведущей в Академию. [[назад](#)]
31. *Мемфис* — столица шестой персидской сатрапии. Он оставался столицей Египта и при римском владычестве. [[назад](#)]
32. *Площадная Афродита* — обыденная, низменная, чувственная любовь. Ср. у Платона («Пир», 180 d) различие двух Афродит — всенародной (Афродита Пандемос) и небесной (Афродита Урания). [[назад](#)]
33. *Делос* — остров, почитавшийся священным, родина Аполлона и сестры его Артемиды, религиозный центр ионийских народов. Главное празднество в честь Аполлона справлялось раз в четыре года, но афинское священное посольство — феория — отправлялось на Делос ежегодно. [[назад](#)]
34. *Мусические состязания* — состязания в честь Муз, чтение поэтами своих произведений и выставки картин. *Гимнические* — бег, борьба и т. д. — спортивные, но не гимнастические состязания. [[назад](#)]